

А. А. СОБЧАК

Хождение во власть. Рассказ о рождении парламента

<Фрагменты>

Первый Съезд народных депутатов СССР фактически начался за несколько дней до своего открытия.

<...>

В Москве выяснилось, что подготовка к Съезду уже идет. Нам было сказано, что сначала пройдет встреча российских депутатов с руководством партии и российским правительством.

Встреча эта произошла 23 мая в здании Совета Министров РСФСР. Вести ее должен был Председатель Президиума Верховного Совета России Виталий Воротников. Однако он продержался у микрофона лишь несколько минут: оказалось, что он, опытный аппаратчик старого закала, председательствовавший на сотнях мероприятий государственного масштаба, абсолютно не умеет управлять форумом несогласных. Он привык иметь дело с живыми автоматами, а тут, когда зал стал проявлять строптивость и посыпались незапланированные вопросы, он совершенно растерялся.

Горбачев, увидев это, сам стал вести встречу.

Очень коротко он сказал о значении Съезда для страны, и начался вечер вопросов и ответов. Мы спрашивали — Горбачев отвечал. Нам надо было знать его позицию: как будет проходить Съезд? Что мы станем обсуждать? Как будем решать организационные вопросы и вопросы регламента?

Первое мое общение с Горбачевым началось с установленного в зале микрофона. Я вышел и спросил о том, как глава партии и государства представляет отношения партии и народных депутатов. Спросил потому, что не давала покоя встреча в Смольном, на которой руководитель Ленинградского обкома Юрий Соловьев¹ пытался инструктировать народных депутатов. Горбачев ответил корректно; ни враждебности, ни раздражения в его словах не было:

— Все будет решать Съезд. Мы за вас, товарищи, решать не собираемся, а тем более оказывать давление.

При этом я физически ощущал обаяние и силу личности Горбачева. Поддайся этому обаянию, и ты начнешь действовать, как под гипнозом. Это объяснило мне многое в фантастическом взлете Горбачева на вершину власти.

После I Съезда пройдет год, и восприятие горбачевского обаяния притупится. Он и сам станет иным, менее открытым и более измученным. Да и я знаю, что мое лицо тоже изменилось за тот же год. Улыбаться и шутить я стал куда реже. Ну а Горбачев переставал улыбаться буквально у нас на глазах.

<...>

В дни работы I Съезда произошло первое крушение устоявшегося номенклатурного порядка. Оказалось, что решения ЦК и даже Политбюро не всесильны. Я рассказывал уже, как верхушка партии вынуждена была спешно собраться на внеочередной Пленум, чтобы предложить новые кандидатуры взамен отвергнутых народными депутатами.

Но это был лишь первый звонок. Дальше — больше. Началось формирование союзного правительства, и стало ясно, что времена изменились. Если раньше после партийного решения новоиспеченный министр мог сдавать дела по месту прежней своей работы, теперь выяснилось, что он еще должен явиться в комиссию или в комитет Верховного Совета. Здесь мы стали очевидцами того, как буквально на глазах менялись люди.

Уже прошли баталии I Съезда, а они еще ничего не поняли. Приходили важные и недоступные, мол, развели бюрократию эти демократы, приглашают на какое-то слушание... Они искренне показывали нам свое отношение. Они нисходили к нам из своих, для многих уже протертых кресел, нисходили, повинуясь обязанности, и всем видом демонстрировали собственную занятость: «Прошу побыстрее, мне через полчаса вести совещание!»

Но начинались вопросы. И тут оказывалось, что министр не знает и того, что должен знать рядовой инженер. Да что там инженер — студент или школьник!..

Незнание, как правило, сопровождалось неумением принять на себя ответственность за неблагополучие в отрасли.

Кандидат в министры уже не вспоминал о назначенном совещании. Теряя свою значимость, он оказывался вполне обычным, только очень испуганным человеком. Но и этот человек не понимал, что же наконец произошло и почему комитет или комиссия принимает совершенно абсурдное решение — не рекомендовать его на ту самую должность, которую он занимал многие годы...

Скоро выяснилось, что такая «нерекомендация» окончательна и получить пост вопреки «приговору» комитета шансов — нет. Единственным исключением стал министр путей сообщения. С третьего или четвертого захода он все же возглавил свое министерство. Но тут депутатов буквально упросили Николай Иванович Рыжков и Михаил Сергеевич Горбачев: мол, другой кандидатуры нет и быть пока не может, вы уж уважьте...

Примерно треть претендентов была провалена. Часть — в комитетах, а часть — уже на сессии Верховного Совета. Это было вторым ударом для некомпетентных министров: дискуссии вокруг тех, кто со скрипом, но прошел через комитет и с перевесом в несколько голосов получил рекомендацию, бывали весьма драматичными. Подчас споры переходили в столь резкую критику, что она уже принимала крайние формы.

Так было с утверждением Генерального прокурора СССР. Он прошел большинством в шесть голосов. Кстати, тогда в Кремлевском Дворце съездов еще не смонтировали машину для голосования, а «электроника на пальцах» чревата и куда большими ошибками: чью-то поднятую руку не заметили, кого-то приплюсовали дважды... Так что шесть голосов могло быть и в минусе.

Но, как бы там ни было, номенклатурный принцип назначений уже не действовал. Может быть, здесь ортодоксы номенклатуры впервые задумались, куда же идет дело. И, почуяв, что их время уходит, осознали: надо объединяться, надо всерьез бороться за собственное выживание. Да, на первой стадии они оказались неготовыми. Несколько последних десятилетий они существовали столь комфортно, что, кроме аппаратной, другой борьбы и не знали. Аппаратными способами они одержали и несколько весомых побед на I Съезде, особенно в первые его дни, когда и демократы еще не были сплочены. Тогда весомой победой ортодоксов стал ряд назначений руководителей постоянных комиссий и комитетов Верховного Совета. Иного и быть не могло: депутаты еще плохо знали, кто есть кто, и потому голосовали за тот состав комиссий и комитетов, который был предложен президиумом.

До сих пор остро помню чувство бессилия в конце одного из таких дней... Желание все бросить и просто уйти, уехать домой и никогда уже не возвращаться в этот зал...

Но я не уехал и мандат свой не сдал. Утро вечера мудренее... А утром начинался новый бой — целых восемь часов работы, восемь часов надежды. Но особенно тяжел был именно день избрания председателей постоянных комиссий и комитетов. Я выступал по каждой кандидатуре, аргументировал, почему тот не подходит на тот пост, а этот — на этот. И тем не менее все были избраны, все утверждены.

Уверен: если бы выборы проходили сегодня, многим из нынешних председателей депутаты отказали бы в доверии. Ну кто бы стал избирать заместителем Председателя Совета Союза безмолвную симпатичную казашку, которая потом за все время работы съездов и сессий не произнесет ни слова и так и останется украшением президиума? При этом в жизни она действительно очень милая и скромная женщина.

И все же те выборы стали лишь частной победой ортодоксов. Весь ход I Съезда был против номенклатуры и номенклатурности, а консерваторы не столь глупы, чтобы этого не понимать. Консервативная оппозиция Горбачеву как раз и начала формироваться сразу после Съезда, во время сессии Верховного Совета.

До сих пор консерваторы не противостояли впрямую политике Горбачева. Во всяком случае, в качестве сколько-нибудь сплоченной и организованной силы. Напротив, его политика их даже в чем-то устраивала, и они, понимая необходимость каких-то перемен, старались извлечь из них максимальную выгоду.

<...>

Журналисты подметили, что у всех побед Горбачева схожий сценарий. Его победы — это взлеты после весьма ощущимых снижений, когда противникам кажется, что дело сделано и Горбачев уже политический полутруп. Тут и следует его решительный, необыкновенно мощный бросок.

Мы не раз наблюдали подобную динамику горбачевской политики, и трудно сказать, что тут от искусства тактики, а что продиктовано объективной логикой борьбы. Болезнь и жалобы Брежнева западные политологи тоже были склонны считать тактическими уловками: меж тем это было реальностью, и Леонид Ильич ничуть не лукавил, когда, как вспоминает Жискар д'Эстен, плакался французскому президенту в машине по пути из Шереметьева в Кремль. Другое дело, что тот счел это игрой восточного деспота.

Люди, особенно в нашей стране, привыкли к хитроумной игре властителей, их нечеловеческой логике, их нечеловеческому поведению и желаниям. Это идет от древнего сакрального представления о царе, а семь десятилетий советской власти способны были лишь укрепить мифологические структуры народного сознания.

Меж тем лидер — живой человек со своими слабостями и страствами. Горбачев лучше других понимал, насколько серьезная ситуация возникла на Съезде 13 и 14 марта 1990 года. Я знаю, что он вынужден был прибегнуть к врачебной помощи: это не афишировалось, поскольку в такие моменты человек, находящийся на вершине власти, не должен показывать, что ему физически плохо. Иначе крах почти неизбежен. Более того — в той ситуации он

не мог даже обратиться к кремлевским врачам (видимо, понимая, что его увезут в больницу) и попросил помочь одного из депутатов.

Однако ни просьба о помощи, ни каких-либо переговоров с лидерами депутатских групп он себе не позволил. И это качество заслуживает уважения. То, что происходило в кулуарах, происходило по инициативе отдельных депутатов, осознавших неизбежные следствия от неизбрания Президента, когда президентский пост был уже учрежден. И кандидат в Президенты знал: эти люди поддерживают его не потому, что он — свет в окошке, не из уважения к списку его личных заслуг и даже не из-за того, что, как однажды сказал сам Горбачев, на переправе не меняют коней. Повторю: большинство демократических депутатов поддерживали не столько Горбачева, сколько идеи, которые неразрывно связывались с его именем.

Надеюсь, Горбачев должен это понимать. Но он должен понимать и другое: это, по выражению Андрея Сахарова, “условная поддержка”, а условие тут — ход самой перестройки и всего демонтажа коммунистического тоталитаризма. Жесткое условие, особенно если учесть избрание Бориса Ельцина главой российского парламента летом 1990 года. С этого момента для Горбачева (да и для страны) начнется совершенно новый период. Декларация о российском суверенитете сегодня — политическая реальность, с которой не может не считаться и Президент СССР.

<...>

Итак, эпилог?..

Мне очень трудно дописывать эти строки к уже завершенной книге. И все-таки я вынужден это сделать.

В декабре 1990-го — январе 1991 года политическая и экономическая ситуация в стране достигла критической, кризисной отметки. И в этих условиях вместо ожидаемой стабилизации обозначился резкий поворот руководства страны вправо. С глаз общества спадает пелена надежд на улучшение жизни.

Что же произошло?

Сначала Эдуард Шеварднадзе своей отставкой прямо и мужественно предупредил страну и мир об угрозе диктатуры, а затем мы стали свидетелями попытки осуществить государственный переворот с помощью армии в Прибалтийских республиках. После того как эта попытка провалилась, натолкнувшись на решимость народов, несмотря на любые жертвы, отстоять свое право на независимость, последовали новые решения, которые лишь ухудшили экономическую ситуацию, усилили инфляционные процессы, по-

ставили на грань остановки и закрытия тысячи промышленных предприятий.

Мысленно вернемся к марта 1990 года, когда Съезд народных депутатов СССР избирал первого Президента Союза Советских Социалистических Республик. Главным аргументом для нас, демократических депутатов, была тогда необходимость на практике отменить 6-ю статью брежневской Конституции. И Президент был избран на Съезде, а не всенародно только потому, что депутаты понимали: размежевание функций партии и государства должно произойти как можно скорее.

Мы верили: Михаил Горбачев в своей деятельности будет прежде всего руководствоваться интересами народа. А сохранение за ним поста генсека — всего лишь историческая необходимость конкретного временного отрезка. Ибо, если Генеральным секретарем ЦК КПСС станет Егор Лигачев, а равно кто-либо другой из партийных функционеров, — это чревато двоевластием и призраком гражданской войны.

События нескольких месяцев убеждали, что мы не ошиблись: та ожесточенная критика из уст радикал-консерваторов, которой Президент подвергался и на Учредительном съезде Российской компартии, а потом на XXVIII съезде КПСС, — факт истории.

Почему люди, аплодировавшие Лигачеву и освистывающие Горбачева, первого сами же отправили на пенсию, а второго вновь избрали первой фигурой партии?

Партийные вожди разного калибра, составлявшие ядро обоих этих съездов, прекрасно понимали: если они провалят Горбачева, то этим лишь укрепят перестроечные процессы и окончательно обрекут себя на скорую политическую гибель. Потому что тогда Президент станет опираться не на компартию, а на демократические силы страны, и компартия в конечном итоге уйдет с политической арены. И когда на XXVIII съезде Борис Ельцин, Гавриил Попов и автор этих строк заявили о невозможности для себя одновременно быть руководителями Советов и членами партии (любой, не только коммунистической), демократы сохранили надежду на здравый смысл Президента.

Конструктивный диалог и соглашение Ельцина и Горбачева в августе 1990-го, поддержка последним программы экономических реформ Шаталина — Явлинского, дававшей реальный шанс выхода из экономического кризиса, недвусмысленное признание Президентом необходимости от расплывчатых лозунгов о социалистической ориентации перейти к рынку и отказ от убогой правительственный программы такого перехода — все это настраивало общество на оптимистическую ноту. Казалось, что решительный

шаг в экономике будет сделан. Ведь и Президент не мог не видеть: разрыв между политическими и экономическими преобразованиями становился уже просто опасным.

И вот в самый трудный и драматический момент окончательного выбора, когда от Президента зависело буквально все и — я в этом уверен! — гражданское мужество одного человека спасло бы на Верховном Совете СССР программу «500 дней», именно этого мужества мы не увидели.

Сейчас трудно говорить, почему это произошло, но не секрет, чье нечеловеческое давление сломило волю руководителя страны. Имя этой силе — номенклатура. Вместо плана экономической реформы было принято нечто несуразное, вроде гибрида бегемота с крокодилом, и называлось это чудо «Основными направлениями...». Абсолютно бессодержательный и бессмысленный документ этот был «направлением в никуда» и должен был окончательно завести в тупик правительство Николая Рыжкова. Так вскоре и произошло.

Надломленный в тот решительный момент, Президент уже не мог удерживать позицию. И первыми его отступление, впрочем, больше напоминавшее бегство с поля брани, обнаружили ближайшие соратники и помощники Президента. Причем самые лучшие и верные.

Мы часто повторяли это выражение: «команда президента». Но, по сути, у Горбачева никогда не было своей команды. Большую часть своей политической карьеры периода перестройки он вынужден был бороться с партийными функционерами уже отжившей эпохи. Эта борьба была весьма драматична: заключая вынужденные соглашения с одними, он избавлялся от других. Подчас за бортом политической лодки в результате таких маневров оказывались целые группы противников нового курса. Горбачев умело маневрировал между рифами, действуя всегда в меньшинстве и проявляя чудеса изобретательности. Но в тот момент, когда его стали окружать по-настоящему умные, сильные, независимые и весьма компетентные люди, пользующиеся уважением всей страны, он, привыкший работать и действовать среди временщиков партийной пирамиды, не смог понять качественного изменения в своем ближайшем окружении, не смог опереться на опыт и мудрость своих соратников и советников.

Яковлев, Шеварднадзе, Бакатин, Шаталин, Петраков... Именно они первыми увидели отступление Президента, если не сказать прямо — его откат от им же начатого дела. И они — один за другим — оставили Президента, ибо понимали, что любой компромисс возможен лишь до определенного предела. Но все они — настоящие граждане своего Отечества, а не просто лично преданные Президенту, ничего не значащие чиновники.

Преданность этих людей принципам и идеям, которые до некоторого исторического момента были сутью демократических реформ, да и сутью самого Михаила Горбачева, реформатора, вышедший из недр партаппарата, не смог по достоинству оценить. Увы, он допустил, он позволил реакционерам организовать безнаказанную травлю своих ближайших товарищ. Было шельмование Александра Яковлева на III Съезде народных депутатов СССР, была разнужданная кампания против Эдуарда Шеварднадзе в преддверии IV Съезда... Когда армейский генерал в присутствии Президента в командирском тоне и в самых крепких выражениях изъясняется с министром иностранных дел (и, кстати, членом Политбюро), а глава государства и партии делает вид, что все так и должно быть, он сам рискует. И не думаю, чтобы Президент этого не понимал.

Весь это, как мне теперь представляется, и было поворотным пунктом в политической биографии Михаила Горбачева.

И наконец, трагической ошибкой стала попытка сохранить единство Союза с помощью военной силы в Прибалтике. История давно уже вынесла приговор такой политической практике. Помнится, когда события в Литве только начинались, где-то с год назад в перерыве партийного Пленума Егор Лигачев дал интервью корреспонденту Всесоюзного радио, сказав, что со временем Чехословакии и Афганистана руководство страны поумнело и теперь понимает: политические вопросы танками не решаются...

Но самым тягостным был отказ Президента — уже в который раз! — признать свою причастность к таким методам «политического диалога». После кровавой ночи в Вильнюсе, после штурма десантниками и сотрудниками КГБ литовского телевидения Президент заявил, что он лично ничего не знал, ни о чем не ведал.

Это его заявление вкупе с аналогичными заявлениями министра обороны и министра внутренних дел — добавим сюда и телевыступления председателя КГБ, тоже оправдывавшего расстрел мирных граждан, — произвело на весь мир самое тяжелое впечатление. Президент, который спешно перекладывает на рядовых исполнителей ответственность за действия, приведшие к столь трагическим последствиям, действия, о коих он сам не имел права не знать, нарушает президентскую присягу.

Это оттолкнуло от него не только демократов, но и военных, брошенных на усмирение независимых республик Прибалтики, а наутро узнавших, что они-де совершили это по собственной инициативе.

Для политического деятеля утрата доверия к нему равносильна смерти. Но утрата может быть разной: диктатор может потерять его в народе, но сохранить власть, если ему верит его окружение, верит

стальной строй штыков, поддерживающих его трон или президентское кресло. Но никаких шансов на продолжение политической деятельности нет у того, кому перестали верить и структуры власти, и генералы.

А именно это сегодня и происходит.

Президент так и не сумел стать настоящим Президентом своего народа, а остался Генеральным секретарем ЦК КПСС, партии, которая утратила доверие и поддержку народа, так как не смогла предложить стране реалистический выход из экономического и политического тупика, созданного ее же собственной политикой и деятельностью. Что бы ни произошло с нами дальше, народам нашей страны уже не забыть Тбилиси (апрель 1989-го), Баку (январь 1990-го), Вильнюс (январь 1991-го)...

Как установила комиссия Съезда народных депутатов СССР, Горбачев не был причастен к бойне перед Домом правительства в Тбилиси. Но он ничего не сделал, чтобы виновные в событиях той страшной ночи были наказаны. До сих пор не показан по телевидению фильм, снятый операторами КГБ, хотя решение о таком показе принято Съездом народных депутатов СССР — высшим законодательным органом страны. Но если тогда, в апреле 1989-го, Генеральный секретарь был объектом заговора реакции, то в дальнейшем ситуация стала меняться. В Баку войска бездействовали, когда шли погромы армян, и лишь после прекращения погромов, когда бежал из города первый секретарь ЦК компартии Азербайджана и фактически власть перешла к Народному фронту, танки — тоже ночью — штурмовали столицу республики. Акция проводилась по указу Председателя Верховного Совета СССР, ну а те, кто ее исполнял, сделали все, чтобы крови было больше. Еще через год Президент оказался еще ближе к силам прошлой эпохи, силам, которые сумели перетянуть его на свою сторону.

Став заложником реакции, он перестал быть прежним демократом и реформатором. Так, генсек победил Президента.

Тбилиси, Баку и Прибалтика. Эти три вехи определили и личную драму Михаила Горбачева, и судьбу перестройки, столь блистательно им начатой в середине 80-х.

25 января 1991 года

